

A romantic scene of a man and a woman in a vineyard. The man, with long dark hair and a beard, wears a light blue shirt and holds the woman. The woman, with long brown hair, wears a red corset and a white shirt. They are surrounded by grapevines and clusters of purple grapes. In the background, there is a scenic view of a coastal town and a blue sea under a bright sky with clouds. The overall mood is romantic and idyllic.

ЛЕНА
БУТУСОВА

ХОЗЯИН
МОЕГО ВИНОГРАДНИКА,
или
ТУДАЯ ЛОЗА

Лена Бутусова

Хозяин моего виноградника, или Тугая лоза

<https://litres.ru/74210634>

Аннотация

♥#БУМАЖНАЯ КНИГА♥#

Вся моя жизнь - сплошное разочарование: на работе тоска, любимого человека нет. Неожданная новость все ставит с ног на голову. Давно пропавший без вести отец завещал мне землю с огородом где-то в провинции. На оглашении завещания нотариус угощает меня бокалом превосходного вина... а дальше все словно в тумане. Очнулась я на пороге красивого дома, на берегу лазурного моря... Завещанный огород оказался огромным виноградником на несколько гектаров, а во-о-он тот надменный красавчик – моим главным конкурентом за эти гектары. И к тому же лучшим учеником моего отца – известнейшего в этих землях винодела. И виноградник получит тот из нас, кто сможет повторить купаж его лучшего вина.

♥#♥#♥#♥#♥#♥#♥#

В книге будут:

лазурное море и жаркое солнце; знойный красавчик с характером и умелыми руками; талантливая попаданка; ароматное вино и секреты винного производства; милые

перепалки между героями, которые заканчиваются сами понимаете чем...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Завещание	11
Глава 2. Лазурный берег	23
Глава 3. Бытовая магия	38
Глава 4. На винограднике	52
Глава 5. Водные процедуры	65
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Пролог

– Наташа, выйдешь завтра в офис? – прогундел за моим плечом ненавистный голос.

Куратора направления Марину Горулину весь отдел за глаза называл Горгульей – не только за гадкий характер, но и за специфическую внешность. Кураторша имела солидных размеров нос с горбинкой, тонкие губы, большой покатый лоб. Волосы она стягивала на затылке с такой тугой узел, что, казалось, хотела с его помощью избавиться от всех многочисленных морщинок. От этого в ее лице появлялось какое-то хищное птичье выражение, а серый костюм с водолазкой под горлышко только дополнял строгий образ. И от своих подчиненных она требовала подобной же пуританской скромности.

– Завтра же суббота, Марина Николаевна. У меня планы... – я полуобернулась к ней на офисном кресле, но Горгуля уже отошла в сторону:

– Спасибо, Наташ. Я всегда знала, что на тебя можно положиться. И юбку, пожалуйста, надень завтра подлиннее, я тебя уже не раз об этом просила.

– Но я же... – я проямлила, уже понимая, что в очередной раз осталась крайней. Добавила с обреченным вздохом,

– Она и так до колена...

Ну, разве стройные и красивые ножки – это недостаток? Почему я должна их прятать под балахоном?

– Да, ладно тебе, Наташка, – с другого края крошечного офиса ко мне подкатила на стуле Катька Морева, наш копирайтер. Ленивая и бестолковая, но, как оно всегда бывает, бывшая на хорошем счету у начальства. Потому что всегда умела вовремя поддакнуть и подлизать в нужном месте – в отличие от меня. – Чего тебе делать дома в субботу? Мужика у тебя нет... или появился? – Катька заговорщически подмигнула мне и сложила губки уточкой.

– Не появился, – я проворчала себе под нос.

Вообще, какое им дело, что я буду делать в мой законный выходной? Книжку читать и бутербродами закусывать, вот что. А захочу – ничего делать не буду. Проплыву весь день. Имею полное право!

– Ну, вот видишь, – Катька самодовольно улыбнулась и отъехала на стуле обратно на свое место.

– Так он никогда у нее и не появится, если по выходным работать будет, – сидевший за соседним столом Вячеслав неодобрительно зыркнул на Катьку.

Вячеслав исполнял в нашей фирме обязанности специалиста по связям с общественностью, а еще был старым другом нашей семьи и поддерживал нас с мамой, как мог. Дядя Слава знал еще моего отца и изредка мне о нем рассказывал. Правда, не очень много. То ли сам плохо помнил, все-таки

двадцать лет прошло с тех пор, как он пропал, то ли просто не хотел. Он-то и устроил меня на эту работу – в отдел продаж «лучшего в мире» наполнителя для кошачьих туалетов. Не знаю, благодарить дядю Славу за это или проклинать. С одной стороны, работа как работа, даже почти по специальности, но с другой...

Более унылое и бесперспективное место найти было трудно. «Зато надежно и зарплата белая», – возражала мне мама. Ну да, зато надежно. А то, что я, лучшая студентка на курсе креативного маркетинга, теперь работаю с кошачьими туалетами за копейки, не имея ни малейшей свободы творчества или возможности развития, так это ничего – временно. Нужно наработать опыт, завести связи, а мои светлые идеи могут подождать.

Сколько они еще будут ждать? Я уже давно не школьница, а перспектив ни в работе, ни в личной жизни все не наблюдается...

И ведь даже такой прозаичный товар, как кошачий наполнитель, можно подать с огоньком и с юмором, но – нет. «Кому нужно, и так купит» – главный девиз нашей конторы.

– Да, ладно вам, дядь... Вячеслав Сергеевич. Выйду завтра, не первый раз, – я махнула рукой с показным пренебрежением.

– Вот именно, что уже третий раз за месяц, – дядя Слава насупился, но дальше сердитого выражения лица дело не пошло. Спихватился, принялся копаться в папке с корре-

спонденцией, – Тебе тут, кстати, извещение от нотариуса. У тебя все в порядке?

– От нотариуса? – я недоуменно вскинула брови. Никаких дел, требующих присутствия юриста такой специальности, у меня не было в помине. – Понятия не имею. Это точно мне? Может, перепутали?

– Точно тебе. Вот, Наталья Серова, на твое имя.

Я только плечами пожала, забирая конверт:

– Для общения с нотариусом у нас есть штатный юрист. Какое странное письмо...

Конверт и вправду выглядел необычно: желтоватая хрустящая бумага, красивые вензеля на месте стандартных марок. Размашистым твердым почерком с завитками на нем было выведено мое имя и виза нотариуса.

– Это чем таким написано? – я вгляделась в странные буквы. – От руки как будто...

– Я бы вообще сказал, что это написано перьевой ручкой, – дядя Слава хмыкнул. – Не тяни, открывай, давай.

Сердце у меня вдруг дало осечку, словно у меня в руках оказался заведомо выигрышный лотерейный билет, а я почему-то знала о своем выигрыше, но боялась в него поверить. Я принялась рвать плотную бумагу.

– Да, ты не нервничай так. Может, это и впрямь ошибка, – заметив мои дрожащие пальцы, дядя Слава решил меня подбодрить.

Бумага поддавалась с трудом, мне пришлось взять канце-

лярский нож, чтобы не измочалить красивый конверт. Почему-то мне казалось очень важным, чтобы конверт остался целым и красивым.

Наконец, письмо оказалось у меня в руках.

— Разве извещение от нотариуса должно выглядеть так? — я продемонстрировала дяде Славе простой рукописный лист. Ни тебе официальных бланков, ни печатей...

— Читай, давай, — почему-то дядя Слава тоже начал нервничать. То ли ему передалось мое настроение, то ли он знал чуть больше, чем говорил мне...

И я начала читать — вслух, но тихонько, так, чтобы слышать мог только дядя Слава. Правда, в маленьком офисе в этот момент повисла такая гробовая тишина, что текст слышали, наверно, даже охранники за дверями...

«Уважаемая Серова Наталья Ивановна!

Я, Ротанов В.Л., поверенный в делах Вашего отца, Серова И.Г., извещаю Вас о том, что 15 июня сего года состоится вскрытие и оглашение закрытого завещания Серова Ивана Георгиевича.

Предлагаю Вам прибыть на вскрытие и оглашение закрытого завещания в качестве наследника по закону. Предъявление документов, удостоверяющих личность, не требуется. Подтверждение принадлежности к наследникам осуществляется по анализу крови, проводимому на месте.

Адрес места оглашения текста завещания указан в приложении к данному письму.

С уважением, Ротанов В.Л.»

Глава 1. Завещание

Мама, конечно же, была против этой поездки.

– Даже не вздумай туда ехать! От твоего отца уже двадцать лет ни слуху, ни духу. Наверняка это мошенники! Обманут, обдерут, как липку! – она бушевала, наглаживая постельное белье с таким видом, будто несчастная простыня была виновата во всех наших семейных неудачах.

– Что с меня брать? У меня ничего нет, – я пожала плечами.

– Как что? – матушка только руками всплеснула, оставив горячий утюг стоять прямо на материи. – Глянь на себя! Молодая, красивая...

– Ага, только не нужная никому, – я пробормотала себе под нос тихонько, так, чтобы мама не услышала.

Но она, конечно же, услышала:

– Еще какая нужная! Просто... тебе вообще еще рано об этом думать.

Я вздохнула с обреченным видом:

– Боюсь, что скоро будет уже поздно...

– Что говоришь? – мама сделала вид, что не услышала. А может, и вправду не услышала.

– Говорю, что наверно не поеду, – я растянула губы в дежурной улыбке.

И, конечно же, я поехала. Могу же я хоть изредка про-

явить своеволие. Хотя бы в такой мелочи. Пятнадцатого июня как раз было воскресенье, и мне не пришлось отпрашиваться и объясняться на работе.

Рано утром, пока мама еще спала, я тихонько выскользнула за дверь и, всеми силами заглушая угрызения совести, выключила телефон.

Адрес, указанный в записке, оказался за городом. Поначалу я насторожилась, но меня встретил такой чистенький и тихий коттеджный поселок со стриженными газонами и аккуратными ухоженными клумбами, что я сразу расслабилась. Погода стояла чудесная: ясное голубое небо, жаркое солнышко, ароматный ветерок ласково гладит голые ноги. Я не смогла удержаться, и в пику своей начальнице надела самую короткую юбочку, которая нашлась в моем гардеробе. Из легкого шифона, белую, с ярко-красными разводами. Не будет же нотариус высказывать мне за неподобающий вид?

Нужный мне дом стоял самым дальним по улице, почти на берегу небольшого лесного озера. Мельком я, конечно, удивилась, что для оглашения завещания было выбран частный дом, а не какой-нибудь офис в центре города, но мало ли какие причуды были у моего отца. Учитывая, что он пропал без вести при странных обстоятельствах почти двадцать лет назад, я не знала о нем почти ничего, за исключением сдержанных рассказов дяди Славы. Мои личные воспоминания были скудными, мама категорически отказывалась общаться

на эту тему.

В детстве я придумывала всякие сказочные небылицы, чтобы объяснить самой себе, почему папа нас бросил. Вроде того, что он герой-космонавт или путешественник-полярник. Будучи подростком, пыталась выудить из мамы хоть какую-то информацию, но когда повзрослела, поняла, что уже научилась жить без отца и без фантазий о нем.

И вот, на тебе, накануне моего двадцатисемилетия эти фантазии обрели вторую жизнь в виде странного завещания.

Интересно, что мне полагалось согласно ему? Что если вот этот самый домик? Я придирчиво осмотрела небольшое двухэтажное строение, адрес которого был указан в записке. Маленький, опрятный, словно срисованный с праздничной открытки. За домом явно хорошо и с любовью следили. На окошках кружевные занавесочки, на подоконниках горшки с пышными комнатными цветами. В доме определенно жила женщина... Новая жена моего отца, из-за которой он бросил нас с мамой? Я мысленно скривилась, предчувствуя возможный неприятный разговор.

В любом случае, дополнительная недвижимость стоила любого разговора. Наша с мамой скромная двушка в хрущевке уже давно требовала ремонта, денег на который не было ни у нее, ни у меня. Так и жили – с капающим краном и разводами на обоях после очередного залива соседями.

Дойдя до калитки, я остановилась и вдруг испугалась. Но не мошенников или бандитов, как опасалась мама, а того,

что все мои детские фантазии об отце окажутся мыльным пузырем. Задержав дыхание, я протянула руку к звонку, но позвонить не успела. Дверь распахнулась, а на пороге меня встретил интеллигентного вида немолодой мужчина в забавных круглых очках. Чем-то он был похож на профессора, с аккуратной седой бородкой, в костюме-тройке и белоснежной рубашке, застегнутой на все пуговицы – в такую-то жару.

– Наталья Ивановна? – он сдержанно улыбнулся и как-то очень старомодно склонил голову, словно приветствуя меня.

– Да... это я, – в первый момент я растерялась, но быстро пришла в себя и протянула мужчине руку для пожатия.

Он бросил на мою вытянутую руку удивленный и даже как будто осуждающий взгляд, но тут же спрятал эти эмоции и улыбнулся шире:

– Ну-у-у... что же вы? Через порог руку не протягивают. Входите.

Я шагнула за ограду, и калитка тут же бесшумно захлопнулась за моей спиной. Я вздрогнула от неожиданности, испуганно обернулась на дверцу, но никого страшного рядом с ней, разумеется, не увидела. Мой новый знакомый поспешил меня успокоить, старательно растягивая рот в белозубой улыбке:

– Тугие петли, все никак руки не доходят ослабить. Мое имя Ротанов Владимир Станиславович, я поверенный вашего покойного отца.

Теперь уже мужчина протягивал мне руку, и я поспешила

ответить на его рукопожатие, чтобы сгладить впечатление от своего детского испуга:

– Наталья... – Чуть помешкав, решила тоже представить-ся полным именем, – Наталья Ивановна Серова.

Против моего ожидания Владимир Станиславович не стал пожимать мою руку. Он осторожно сжал мою кисть, чуть наклонился и... поцеловал тыльную сторону ладони – очень коротко и деликатно:

– Рад наконец-то с вами познакомиться. Прошу вас, пройдемте в дом.

Мужчина вежливо указал мне на вход, к которому от калитки вела тропинка, аккуратно присыпанная ровным золотистым песочком. Чуть опешив от подобного галантного приема, я снова улыбнулась и, стараясь соответствовать чопорности момента, чинно прошагала к входу. Как назло озорной ветерок так и норовил поиграть с полами моей короткой юбочки и бесстыдно задрать ее.

Очередной порыв ветра всколыхнул легкую ткань, и я с испуганным ойком принялась оправлять одежду, краснея и недоумевая, как много успел увидеть под ней благообразный «профессор».

– Мдя... – Владимир Станиславович протянул задумчиво, чем вызвал еще один прилив стыда к моему лицу. Но тут же продолжил уже в полушутливой манере, – Пожалуй, Джо-ди это будет полезно. Наверно, он даже будет рад. Наверно.

– Чему он будет рад? – я резко обернулась, из-за чего за-

мешкавшийся «профессор» едва не налетел на меня. – И кто такой Джоди? – я вопросительно выгнула бровь.

– Всему свое время, милая девушка. – Ротанов снова указал мне на вход в дом, но видя, что я не тороплюсь шагать туда, пока не получу ответа, вздохнул, – Не переживайте, я сейчас полностью введу вас в курс дела. Давайте только войдем в дом – на улице становится жарко, а в моем возрасте жара противопоказана.

Я хотела было ехидно заметить, что, если ему жарко, мог бы одеваться полегче, но увидев добрую, почти отеческую, улыбку Ротанова, озорной не по возрасту блеск его глаз, вздохнула и промолчала. И покорно шагнула за порог.

И словно бы оказалась в другом времени.

Изнутри домик оказался таким же чистеньким и уютным, как и снаружи. С тяжелыми гардинами на окнах, резными деревянными панелями на стенах, толстыми коврами, скрадывающими шаги. Мельком я подумала, что звук падения моего тела на такой ковер никто не услышит. Впрочем, домик стоял на отшибе, так что никто в любом случае не услышит ничего, что здесь будет происходить. Кричи – не кричи.

Почувствовав мою оторопь, Ротанов поспешил подбодрить меня:

– Да, вы не стесняйтесь, Наталья Ивановна, проходите, присаживайтесь. Чувствуйте себя, как дома. Вам, быть может, чаю? Или чего-нибудь холодненького?

– Мне? Спасибо, – я машинально опустилась в ближайшее кресло – с резными деревянными подлокотниками и такими же ножками в форме львиных лап. – Мне бы чего-нибудь бодрящего... и холодного. Может, айс-латте?

«Профессор» обратился к кому-то в глубине дома:

– Маргарита Валентиновна, будь так любезна, принеси нам пару бокалов полусладкого рислинга [*]. Там, в кухне у меня подготовлено.

– Это из твоего погребка? – ему ответил удивленный женский голос, а в соседней комнате мелькнула седая, аккуратно причесанная голова и сразу же пропала.

– Да-да, у нас сегодня важная гостья, – Ротанов улыбнулся и опустился в кресло напротив меня. Чуть помедлив, все-таки расстегнул пару пуговиц на своей жилетке.

– Вы уж меня простите, но эти ваши молодежные «айс» и «латте» вгоняют меня в тоску. Позвольте вам предложить кое-что гораздо лучше. Оно одновременно бодрит и освежает.

В этот момент из соседней комнаты показалась женщина с подносом в руках. На подносе стояли два высоких бокала с золотистой жидкостью и белое блюдо с аккуратно нарезанными фруктами. Мельком я успела заметить лежавшие на тарелке сочные зеленые яблоки, кусочки груш, крупный зеленый виноград и что-то еще, но разглядывать угощение совсем уж бесстыдно мне было неловко.

Женщина поставила блюдо на низенький, отполирован-

ный до зеркального блеска столик.

– Спасибо, дорогая, – Ротанов ласково, но сдержанно погладил ее по руке, и женщина, тепло улыбнувшись, вышла из комнаты.

– Ваша жена? – спросила и только потом поняла, что вопрос прозвучал бестактно.

«Профессор», однако, не оскорбился:

– Да, Маргоша. Уже почти полвека вместе.

– А это ваш дом? – я продолжала расспросы.

– Все верно, – Ротанов кивнул.

– Почему мы встретились здесь, а не где-то в более подходящем месте? – я решила спрашивать напролом. В конце концов, мне не каждый день зачитывают завещание моего пропавшего без вести отца. Но почему-то мне казалось, что это должно происходить в более формальной обстановке.

– Под более подходящим местом вы подразумеваете душный бездушный офис где-нибудь в центре города? Простите за каламбур, – Ротанов снисходительно усмехнулся. – Не думаю, что он в полной мере подходит к тому, что сейчас произойдет.

– А что сейчас произойдет? – мне снова стало чуточку страшно, но совсем немного. Уж больно располагал к себе и сам Ротанов, и его супруга, и вообще вся окружающая обстановка.

– Да, вы угощайтесь, – Владимир Станиславович засуетился, пододвигая ко мне поднос с бокалом и фруктами, и

сам, показывая пример, взял второй бокал. – Это превосходное вино из моих личных запасов. Вы только понюхайте его – в одном вдохе целый цветущий сад, – и он с искренним удовольствием втянул носом аромат, струящийся из-за края бокала.

Я недоуменно скривилась, но предложенный бокал взяла: – Вообще-то я не пью.

– Я не предлагаю вам пить, – Ротанов снова усмехнулся. – Я предлагаю вам вкусить божественный нектар, порадовать свои органы чувств невероятным букетом из ароматов трав и цветов, впитавших в себя золотой свет южного неба и свежесть ласкового ветра, дующего с прогретых солнцем холмов.

– Вы так вкусно и красиво говорите, – я не смогла не улыбнуться и все-таки поднесла бокал к лицу. От напитка и вправду исходил легкий цветочный аромат, с нотками жасмина и чего-то еще, незнакомого и свежего.

– А я пока что зачту вам ваше завещание, – Ротанов поставил свой бокал на столик. – Ах, да, чуть не забыл. Позвольте ваш пальчик. Формальность, – он пожал плечами в ответ на мой вопросительный взгляд. – Я должен удостовериться, что вы в полной мере подходите для... кхм... того, что завещал вам ваш отец.

– А что он мне завещал? – я сделала небольшой глоток. Напиток был прохладно-кисловатым на вкус, с легкой сладостинкой и приятно освежал пересохшее от жары горло.

– Вы позволите? – Ротанов взял мою руку и приложил к подушечке безымянного пальца небольшую квадратную коробочку. Я почувствовала легкий короткий укол, ойкнула, но «профессор» уже выпустил мою руку, – Все-все. Пару минут для получения результата. Как вам вино?

– Очень вкусное, – я искренне похвалила. – Кажется, что я гуляю по летнему лугу и чувствую все эти запахи. И свежее такое...

– Во-о-от, – Ротанов назидательно выставил палец вверх. – А вы говорите, я вам выпить предлагаю. Я вам предлагаю приобщиться к искусству. Вы себя хорошо чувствуете? – он вдруг озабоченно нахмурился.

– Голова немного закружилась. Это из-за жары, наверно, – я неуверенно улыбнулась, тронув висок. Легкое ощущение головокружения не доставляло дискомфорта. – Так что там с завещанием?..

– Да... кхм... с завещанием, – Владимир Станиславович зашуршал бумагой, похожей на ту, которую я получила накануне, такая же желтоватая и хрустящая.

И этот бумажный хруст неожиданно звонко отозвался в моей голове. Я нахмурилась, пытаюсь собрать расползающиеся мысли.

– Согласно завещанию, вы являетесь наследницей сельскохозяйственных земель вашего отца и прилегающего к ним производства...

– Каких еще земель? – я спросила, чувствуя, что язык

вдруг онемел и плохо меня слушается. Чтобы смыть это неприятное ощущение, я глотнула еще золотистого вина. – У отца что, был огород? Ик...

– Ну, можно сказать и так, – Ротанов усмехнулся, участливо покосился на меня и вернулся к чтению бумаги. – Но для вступления в права наследования, вам необходимо выполнить одно условие...

Голос «профессора» звучал все глуше, а еще где-то на краю восприятия появился новый звук – спокойный и умиротворяющий. Словно шуршание или шелест...

– ...условие. Вторым претендентом на наследство является...

Я встрепелась, села прямо, попытавшись отогнать прочь назойливый шелест:

– Что? Есть еще претенденты?

Меня неудержимо клонило в сон, глаза слипались, а шелест снова усилился.

– Один претендент. И... у него есть кое-что, что вам пригодится...

Последнее, что я увидела перед тем, как отключиться, была белозубая улыбка Ротанова и выпавший из моей руки высокий бокал из-под вина. На толстый ковер он упал совершенно беззвучно, расплескав остатки содержимого.

Следом на этот ковер также бесшумно свалилась я.

[*] *рислинг* – сорт винограда, используемый для производ-

ства белого вина

Глава 2. Лазурный берег

Шелест то накатывал, то отступал. Это убаюкивало, и мне совершенно не хотелось просыпаться. Я улыбнулась, не открывая глаз – подобного состояния покоя и умиротворения я не испытывала уже давно. Каждое утро меня будил трезвон будильника. Потом нужно было на скорую руку привести себя в порядок и мчаться галопом – на нелюбимую работу. И весь мой день проходил в состоянии напряжения и ожидания чего-то неприятного. Но сейчас...

Сейчас я просто лежала на боку, вдыхая свежий запах моря и слушая далекие тоскливые крики чаек. Я сладко потянулась, чувствуя под щекой шелковистый песочек...

И рывком села. Голова у меня в тот же миг закружилась, ее пронзило короткой вспышкой боли, и я снова зажмурилась.

Какое море, какой песок?

Я нахмурилась, вспоминая последнее, что видела. Улыбка этого мерзавца Ротанова, пустой бокал из-под вина. Напоил, гад, какой-то отравой. «Золотой свет южного неба», «прогретые холмы...» – балабол седовласый! А я и уши развесила. Все-таки права была мама, осторожнее нужно быть. Нужно *было* быть...

Вздохнула, собираясь с силами, и открыла глаза...

Я сидела прямо на песочке, а передо мной во всю ширь раскинулся морской простор. Лазурная волна то и дело лени-

во облизывала берег, шуршала мелкими камушками, оставляя в полосе прибоя кусочки воздушной белоснежной пены. Я непроизвольно следила за этим неспешным качанием волны туда-сюда и невольно поймала себя на мысли, что очень хотела бы посидеть так подольше, глядя на эту ласковую волну... Нахмурилась, отгоняя совершенно неуместное умиротворение и огляделась.

Я оказалась в незнакомом месте. За моей спиной раскинулись обширные холмы, переливавшиеся в лучах жаркого солнца всеми оттенками зелени. Мне даже в голову раньше не приходило, что обычные листья деревьев имеют столько оттенков цвета. Здесь тебе был и нежный, полупрозрачный цвет колеблющихся на ветру длинных побегов, похожих на сухие водоросли, и яркие до рези в глазах огоньки молодых листочков, и глубокий темно-зеленый оттенок глухих зарослей.

Неподалеку виднелась группа невысоких строений с белоснежными стенами и ярко-красными черепичными крышами. Чуть в стороне стоял маленький домик, такой же красно-белый. И от этого домика, вниз с холма по направлению ко мне, торопился мужчина.

Мужчина был высоким и казался каким-то растрепанным. На нем был надет рабочий комбинезон темно-зеленого цвета, клетчатая рубашка с закатанными до локтя рукавами и резиновые сапоги почти до колена.

По мере того, как он приближался, я все пристальнее его

разглядывала. Мужчина был довольно молод, но глубокий южный загар придавал возраста его лицу. Темные глаза, темные волосы собраны на затылке в небрежный хвост. Я поймала себя на том, что рассматриваю незнакомца со все возрастающим интересом. Когда к тебе со всех ног торопится такой знойный красавчик, поневоле заинтересуешься.

Но вот, красавчик, чуть запыхавшись, выбежал на пляж и застыл передо мной, как вкопанный. Его взгляд быстро скользнул по моему телу, чуть задержался на ногах, и... я готова была побиться об заклад, что даже сквозь крепкий загар на его щеках проступил румянец. Мужчина отвел взгляд, а я покосилась на свои бедра, и тут уже покраснела сама.

Я сидела на песочке так неловко, что короткая юбчонка задралась слишком высоко, и из-под нее едва-едва выглядывали мои трусики. И как назло, именно сегодня я надела свое любимое озорное белье. Белые спортивные трусы с яркими веселыми принтами. У меня таких был целый комплект, на каждый из дней недели. Конкретно на этой паре были изображены вишенки с веселыми рожицами. Белье было удобным, а забавные рисунки поднимали мне настроение. Мужчины у меня все равно не было, и некому было упрекнуть меня в легкомыслии.

Смущаясь и отводя взгляд, я принялась оправлять юбку. Зачем-то начала оправдываться:

– Извините. Я тут заблудилась. Не подскажете, где я? А то я мало что помню...

Красивое, хоть и с немного резкими для среднерусского глаза чертами, лицо мужчины вдруг исказилось презрительной гримасой. Все также не глядя на меня, он процедил сквозь зубы:

– Меньше нужно было вчера употреблять, чтобы сегодня не мучиться от потери памяти.

– Что?.. – я аж опешила от подобного хамства.

– Ничего, – мужчина небрежно оттер со лба капельки пота тыльной стороной ладони, размазав по лицу полосу грязи. – Много вас тут шатается веселых в окрестностях виноградики – лозу портит, а потом вот такие вот мамзели, – он красноречиво кивнул подбородком на мои голые ноги, все также старательно не глядя на них, – страдают от потери памяти, от головной боли, от недостатка денег и совести.

– Да, за кого вы меня?.. – я даже поперхнулась эмоциями оттого, что меня приняли за какую-то бродяжку легкого поведения.

– Хотите сказать, что вчера вы не пили алкоголь? – мужчина, наконец, соизволил поднять на меня взгляд. Глаза у него были темные с каким-то необычным теплым оттенком, словно две спелые сочные оливки, и я покраснела еще сильнее.

– Пила, – проямлила чуть слышно, вспомнив злополучный глоток золотистого вина в доме у Ротанова.

– Вот именно, – незнакомец презрительно скривился, и эта снисходительная гримаса меня слегка отрезвила – в пе-

реносном смысле этого слова.

– Меня опоили! – я попыталась встать на ноги.

Получалось не очень ловко, голова все еще кружилась. Предательская юбочка снова бесстыдно задралась. Некоторое время незнакомец с презрением смотрел на мои неуклюжие потуги, а потом все-таки не выдержал и подал мне руку:

– И кто же этот мерзавец? – усмехнулся, всеми силами стараясь не пялиться на то, что открывалось под моей юбочкой.

– Ротанов его фамилия. Владимир Станиславович, кажется...

– Что? – мужчина спросил коротко, а его пальцы, сжимавшие мою ладонь, вмиг словно окаменели.

– Пустите... – я попыталась вывернуться из мертвой хватки. – Пустите, вы делаете мне больно, – мне снова стало страшно, по спине дружной толпой пробежали ледяные мурашки, но в тот же момент мужчина отпустил мою руку. Я тут же отшатнулась от него на два шага. – Вы что себе вообще позволяете?

– Ваша фамилия Серова? – выражение глаз незнакомца изменилось. Из насмешливо-презрительного оно стало настороженным и даже почти враждебным.

– Да... – я протянула, удивленная и напуганная этой переменной. – Наталья Серова, – протянула, было, руку для пожатия, но вовремя спохватилась, вспомнив, какая жесткая у мужчины хватка.

Впрочем, он тоже не торопился отвечать на рукопожатие. Зацепил большие пальцы рук за петельки на своем поясе и вскинул голову, глядя на меня с высоты своего внушительного роста.

— А в чем собственно?.. — я начала задавать вопрос, но ответ на него уже напрашивался сам собой. — Так вы знакомы с Ротановым? Вы соучастник! — я процедила со злостью в голосе. — Все ясно, я звоню в полицию заявить о попытке отравления и изнасилования.

И принялась шарить вокруг в поисках телефона. Но ни телефона, ни сумочки, в которой он лежал, не было в помине...

— Еще и о краже заодно заявлю, — я неприязненно покосилась на мужчину, как-то упустив из виду, что без телефона дозвониться до полиции будет проблематично.

— Что?! — пришла очередь незнакомца изумляться. При чем он удивился так искренне и откровенно, что на пару мгновений потерял дар речи. — Да, я вас пальцем не... — он осекся, вспомнив, что только что помогал мне подняться. Растерянно посмотрел на свою ладонь, словно бы на ней отпечатались следы прикосновения ко мне. Зачем-то вытер ладонь о штаны.

— А как вас, кстати, зовут? — я строго наставила палец на опешившего мужчину. — Сэкономлю полиции время, хотя я уверена, что они и так все быстро узнают.

— Мое имя Джодавин Грей, — мужчина посмурнел. — Идти

в полицию я вам искренне не советую. Вам придется долго объяснять им, что к чему, и вернее всего этот разговор закончится для вас в приюте для умалишенных.

– Почему это? – имя незнакомца странно царапнуло слух, но я отмахнулась от смутных подозрений.

Мужчина обреченно вздохнул. Перевел взгляд на морскую даль и так долго в нее вглядывался, что я не выдержала и тоже посмотрела, что же такого интересного он там углядел. Но в море не было видно ничего, кроме белых барашков волн. Я недоуменно подняла бровь, вопросительно уставившись на Джодавина...

Стоп!

Ротанов упоминал в разговоре какого-то Джоди...

– Видите ли, Натали... – незнакомец протянул с непонятной грустинкой. – Впрочем, лучше нам пройти в дом, разговор предстоит долгий. И не самый приятный.

И, не дожидаясь моего согласия, Джодавин направился обратно к дому.

Озадаченная, растерянная и, что греха таить, напуганная, я медленно побрела следом за мужчиной. Подъем был не таким уж и крутым, но солнце палило нещадно, я была взволнованна, вдобавок хотела пить и потому сразу же запыхалась.

– Вы не могли бы так не бежать? – прокричала вслед хозяину. – Я за вами не успеваю.

– Я и не бегу, – он остановился и недоуменно пожал плечами. Честно дождался, пока я поравняюсь с ним, чуть помешкал, а затем все-таки выдавил из себя, явно не сильно радуясь своим словам:

– Вам помочь? – и снова протянул мне руку.

Я покосилась на его ладонь – широкую и жилистую, перепачканную землей. Руки мужчины явно были привычны к физическому труду, и почему-то этот факт приятно отозвался где-то в глубине моей груди. Не белоручка. Однако вспомнив, как эти пальцы только что больно сжимали мою руку, я поморщилась:

– Нет уж, спасибо. Сама как-нибудь.

– Как знаете, – мужчина снова пожал плечами и продолжил путь, хоть уже и не таким широким шагом.

Я огляделась. Картина вокруг была совершенно идиллической. Холмы, поросшие ровными рядами невысоких кудрявых растений. Зеленые ноги этих холмов облизывал прибой, словно преданный пес – любимому хозяину. Белые домики с красными крышами казались сошедшими с иллюстрации какого-то исторического романа про уютную деревеньку. Между холмами извивалась неширокая грунтовая дорога, уходя куда-то за зеленый горизонт.

Я вдохнула полной грудью. Воздух был невероятно свежим и ароматным, в нем угадывались нотки свежестриженной зелени и сладкий запах цветов, пряный аромат сохнувших на берегу водорослей и кисловатый – забродивших

плодов...

Над морем кричали чайки – тоскливо, но это была какая-то светлая тоска. Не о том, что все плохо, а о том, как все прекрасно, но рано или поздно оно неизбежно закончится.

И я снова остановилась, удивленная и озадаченная всеми своими ощущениями и странными мыслями.

– Что это за место такое? – яркое солнце слепило, но я до рези в глазах вглядывалась в ровные ряды посадок на холмах.

– Виноградник вашего отца, – Джодавин нехотя буркнул в ответ. – Сказал же, все разговоры в доме.

С этими словами он ускорил шаг и скрылся за дверью отдельно стоящего строения. А я только рот открыла от удивления. Еще разок окинула взглядом кажущиеся бесконечными ряды посадок. Раньше мне не приходилось видеть, как растет виноград. Да и вообще я была весьма далека от сельскохозяйственной темы – совершенно городской человек. И теперь – целый виноградник! И что, все это мне? Хотя, кажется, мерзавец Ротанов упоминал еще одного претендента на наследство...

Я вошла в дом следом за хозяином. Вспомнив недавний неприятный эпизод, замялась на пороге, подозрительно оглядывая помещение. Внутри царила приятная прохлада и легкий полумрак. Нельзя сказать, что в доме было темно, но свет был приглушенным, и меня это насторожило. Хотя в следующий момент я порадовалась темноте – в доме был

жуткий бардак. Пожалуй, это даже хорошо, что его не было видно во всей красе.

– Да, вы проходите, – видя мою нерешительность, Джодавин решил подбодрить меня.

Оглянулся, решая, куда меня усадить. Скинул с диванчика разбросанные на нем вещи – прямо на пол, да еще и пнул их ногой куда-то подальше в угол. Я только скривилась от подобной небрежности.

– Почему у вас так темно? – спросила, глядя, как хозяин поспешно наводит подобие порядка в своем жилище.

– Потому что окна маленькие и к тому же занавешены от жары, – мужчина бросил на меня быстрый взгляд. И в нем были так забавно смешаны недоумение моей недогадливости и смущение от беспорядка в его доме, что я только усмехнулась. – А вы что подумали? Что я к вам приставать собираюсь? – после этих слов усмехнулся уже он. – Так я это и на свету могу делать, только больно мне надо связываться с такой, – он неопределенно повел рукой в воздухе. – Себе дороже...

– С какой такой? – от его обидных слов на второй план отошла даже моя настороженность странной обстановкой. Я уперла руки в бока и с вызовом уставилась на хозяина дома.

– Со скандальной, вот с какой. Садитесь, – он указал мне на диванчик, который все-таки разгреб от бардака. – Сейчас принесу вам выпить.

– Я?! Скандальная?! – я аж поперхнулась от такой наг-

лости. — Да, я вообще тихоня и скромница! — я проговорила запальчиво и задохнулась от избытка чувств.

— Ну-ну, оно прямо и видно, — Джодавин усмехнулся и скрылся в глубине дома.

— И вообще-то я не пью! — я прокричала ему вслед, еще прекрасно помня, как согласилась на провокационное предложение Ротанова.

— Ну, разумеется, — довольно быстро мужчина вернулся с двумя запотевшими стаканами.

В стаканах призывно плескалась полупрозрачная жидкость темно-красного цвета, и я только облизала пересохшие губы — пить хотелось очень сильно. На улице стояла жара, а кроме глотка того злополучного вина и чашки кофе с утра я больше ничего не пила.

— И тем более не пью из рук незнакомцев, — я показательно отвернулась, но взгляд мой так и тянулся к полному стакану. Мне даже казалось, что я чувствую запах напитка — ягодный и свежий.

Джодавин усмехнулся и залпом опрокинул в себя стакан. Утер губы тыльной стороной ладони, и этот жест показался мне таким неуместно чувственным, что я залилась краской смущения, мельком порадовавшись, что в доме было сумрачно.

Второй стакан Джодавин поставил на невысокий пыльный столик, жестом предложив мне тоже угоститься. А сам опустился на диван, выжидательно уставившись на меня. Ме-

бель жалобно скрипнула под его весом, и я подняла глаза на хозяина дома, вальяжно раскинувшегося на диване. Высокий, крепкий, наверняка, сильный. Мне с таким ни за что не справиться, если вдруг ему приспичит распустить руки...

– Да, хватит уже строить из себя невесту что, – Джодавин проворчал, со стуком поставив пустой стакан на стол. – Нам с вами нужно поговорить. У меня полно работы, и не хотелось бы впустую тратить время на всяких капризных барышень. Поэтому избавьте меня...

– Ах, всяких барышень! – я обиженно поджала губы, решительно схватила стакан со стола и залпом осушила его содержимое, уже готовая к самым неожиданным последствиям...

В стакане оказался виноградный сок.

Прохладный, сладкий, с нежной кислинкой. Я удивленно посмотрела на пустой стакан и растерянно опустила на диванчик.

Перевела вопросительный взгляд на мужчину:

– Это что, виноградный сок?

– А вы чего ждали? Стакан с ядом? – Джодавин вымученно усмехнулся.

– Ротанов напоил меня чем-то таким... странным.

– Владимир Станиславович угостил вас «Туда-сюда» вином. Уж простите его, но других вариантов попасть от вас к нам мы пока что не придумали.

– Чем угостил? И куда это к вам? – я недоуменно вскинула

брови.

– Да, что ж вы все торопитесь? Слова мне сказать не даете, – Джодавин обреченно вздохнул. – Ваш отец был таким спокойным и выдержанным человеком...

– А я вся в маму! – проговорила с вызовом. – А отца я знать не знаю, мне сложно быть на него похожей.

Мужчина снова вздохнул, но на сей раз с горечью:

– Давайте обо всем по порядку. Хорошо? – он поднял на меня свои темные оливковые глаза, и я подавилась возмущением: столько в них было тоски и какой-то мальчишеской потерянности.

– Хорошо, – проговорила нарочито спокойно и поджала губы, готовая слушать.

Джодавин дернул подбородком:

– Спасибо. Как вам, должно быть, уже известно, полгода назад скончался ваш отец...

– Мне это неизвестно, – несмотря на обещание выслушать, я снова перебила мужчину на полуслове.

Казалось, он растерялся:

– Ну-у-у... вам же предъявили завещание. Логично, что автор этого завещания... кхм... больше не с нами, – Джодавин запнулся на словах, нахмурился и опустил взгляд.

– И что дальше? – я пожала плечами.

Мужчина поднял на меня глаза, прищурился с каким-то непонятным мне укором:

– Вам хоть немножечко грустно?

Я искренне усмехнулась:

– Почему мне должно быть грустно? Отец бросил нас с мамой, когда я была совсем маленькой, я его практически не помню. А то, что помню, наверняка придумала. Так почему мне должно быть грустно из-за смерти чужого мне человека? Наоборот, радуюсь. Вот, завещание мне оставил. Хотя странно, что он вообще вспомнил о моем существовании, – я фыркнула и сложила руки на груди.

Я понимала, что немного перегнула палку со столь резкими заявлениями, но остановить поток своих слов просто не смогла. Чтобы не чувствовать себя совсем уж гадко, принялась разглядывать окружающую обстановку. Типичное жилище холостяка, куда его хозяин приходит только поспать и помыться. И то, насчет последнего я не была уверена, судя по неряшливому внешнему виду Джодавина.

– Он никогда о тебе не забывал, – в голосе Джодавина слышался откровенный упрек.

– Что, простите? – я опешила. – Мы с вами уже на «ты»?

– Нет, извините. Я случайно, – мужчина снова нахмурился. Поднял на меня смурной взгляд, – Продолжим предметный разговор?

Я жестом предложила ему говорить.

– Так вот. Полгода назад умер ваш отец. После него осталось много недвижимого имущества, включая виноградник на пятнадцать гектаров, домашнюю винодельню и собственно сам дом...

– Ого, – я присвистнула. – Пятнадцать гектаров это много?

– Достаточно, – Джодавин смерил меня взглядом исподлобья. – Вот, ознакомьтесь.

Он протянул мне стопку каких-то бумаг: таблицы со сметами, чертежи, которые я сразу же отложила в сторону. Опыт подсказывал, что с подобными документами должен работать юрист. А вот рукописный текст сразу привлек мое внимание. При виде мелкого угловатого почерка в груди почему-то противно екнуло, словно я уже где-то видела эти остроносые резкие буквы.

– Это собственно текст завещания, – увидев мой интерес, Джодавин решил пояснить. – Написан собственноручно вашим отцом.

– Вообще-то мне кажется, что вопросы с завещанием должны решаться в присутствии юриста. Я бы хотела нанять адвоката... – я рассеянно бегала взглядом по строчкам.

– Читайте, – Джодавин вздохнул.

И я читала.

Вот только текст этого письма был весьма далек от сухого формального завещания.

Глава 3. Бытовая магия

«Дорогая моя Наташа!

Впрочем, имею ли я право называть тебя моей после того, как мы не виделись почти двадцать лет? Наверное, нет. Видит Бог, мне бы хотелось, чтобы все сложилось иначе. Но, так уж вышло. Надеюсь, что ты сможешь меня если не простить, то хотя бы понять.

Если ты читаешь это письмо, значит, ты уже познакомилась с Владимиром Станиславовичем, попробовала «Туда-сюда вино», и Джоди сейчас буравит тебя недружелюбным взглядом. Не суди его строго, ему многое пришлось пережить, но он единственный, кто сможет убедить тебя остаться и сделать так, как я прошу».

Я прервала чтение и подняла глаза на Джодавина. Мужчина следил за мной с напряженным вниманием, чуть покусывая губы. Заметив, что я смотрю на него, попытался придать лицу невозмутимое выражение. Я чуть усмехнулась про себя – уже без прежнего веселья – и вернулась к письму...

«Я не выбирал такую судьбу, но почти ни о чем не жалею.

Как-то раз мне в руки попала бутылка с «Туда-сюда» вином – совершенно случайно, – и я оказался в землях Аппеласьон. Не ищи на карте это название – в нашем мире нет такой страны. Да-да, этот невероятный напиток перенес меня в другой мир. Он похож на наш, но во многом отлича-

ется. Удивительно, правда? Сделал глоток волшебного вина, и вот, ты уже на берегу лазурного моря в мире, где есть магия и всяческие диковинные создания. Никогда бы не поверил, если бы не увидел все своими глазами. Попроси Джоди, он покажет тебе парочку его любимых магических приемов, чтобы ты могла воочию убедиться в том, что я говорю тебе правду».

Я снова подняла глаза на Джодавина, на сей раз с вопросом. И только лишь открыла рот, чтобы озвучить его, как мужчина проговорил с нажимом, безапелляционно:

– Читайте.

И я продолжила читать.

«Не пугайся, ты в любой момент можешь вернуться домой, у Джоди есть достаточный запас «Туда-сюда» вина, но прошу тебя не торопиться с принятием решения.

В земле Аппеласьон я встретил эсеницу, ту самую, единственную. Я полюбил ее с первого взгляда, она ответила мне взаимностью. Я думал, что не задержусь здесь надолго, вернусь к вам с мамой, но время шло, а я никак не мог найти в себе силы оставить ее и ее маленького сынишку. А потом случилась беда. Непогода, несчастный случай... Ангела погибла, а Джоди остался. Ему тогда было всего десять, а детям нельзя пить «Туда-сюда» вино. Прости, Наташа, я не смог бросить его одного».

Я снова подняла взгляд на Джодавина, прищурилась. Наверняка мужчина знал содержание письма и мог догадаться

о моей реакции на эти строки, но на этот взгляд он не ответил никак. Просто сидел и смотрел в стену.

«Это было непросто, но мы справились с утратой. Смогли пережить ее, найдя себя в новом деле. Возможно, мама рассказывала тебе обо мне хоть что-то. По образованию я технолог винного производства. Дома я работал на винзаводе, и теперь мои навыки мне пригодились. Мы с Джоди начали выращивать здесь виноград и делать вино. Ты представляешь, в этом мире почти никто не умеет делать нормальное вино! Хотя здесь есть все условия.

Это был успех.

Джоди был прилежным учеником, он впитывал знания, словно губка. У него определенный талант и чутье к лозе. Наш виноградник рос – во всех смыслах, наша винная марка стала самой популярной во всей округе, у нас были заказы из столицы.

А потом пришла моя пора. Проклятая черная немочь.

Чувствую, что дни мои сочтены, но хочу, чтобы дело мое жило. Чтобы мой ученик продолжал начатое мною, и чтобы моя родная дочь не осталась в стороне. Винодельня приносит хороший доход. У меня есть лишь одно условие для твоего вступления в наследство».

– Винодельня и вправду приносит хороший доход? – я все-таки не удержалась от вопроса.

Джодавин только фыркнул:

– Приносила...

А меня все эти тайны мадридского двора уже порядком утомили. Отец явно повредился умом перед кончиной, поэтому дочитывать я не стала. Спросила:

– И что же это за условие? Чтобы вступить в наследство?

– Читайте... – Джодавин произнес с нажимом, но я скривилась:

– Не буду. **Вы** мне скажите. Чтобы я убедилась, что хотя бы вы в своем уме, потому что это, – я потрясла листком, – звучит как записки сумасшедшего. Другой мир, туды-сюды вино. Чуть какая-то!

– Ну, да, – мужчина кивнул с показной обреченностью. – Оте... Иван Георгиевич предупреждал, что вы можете не поверить. Я дам вам доказательства того, что в письме написана чистая правда.

Он поднялся с дивана, и мебель снова жалобно скрипнула.

– Так что за условие для вступления в наследство? – я не торопилась подниматься следом.

Джодавин выглядел одновременно смущенным и раздраженным. Взгляд его метнулся по комнате из угла в угол, но, наконец, он нашел силы зафиксировать его на мне. Проговорил медленно, с расстановкой:

– Мы с вами должны повторить купаж лучшего вина вашего отца.

– Что? Я? Делать вино? Да, я в жизни этого не делала! Я вообще не пью! – я принялась причитать без умолку, пора-

женная происходящим до глубины души. Так ведь и знала, что блудный папенька не мог просто так взять и облагодетельствовать единственную дочь. Он придумал глупое невыполнимое для меня условие. – И кто это будет проверять? Поверенный? Этот ваш Ротанов, чтоб ему икалось?

– Зря вы так. Владимир Станиславович чудесный интеллигентный человек, наш давний связной в вашем мире.

– И вы туда же? – я скривилась. – Будете кормить меня сказочками про другой мир только чтобы не делиться наследством. Это ведь вы второй претендент на него?

Джодавин посмотрел на меня с откровенным укором:

– Не поверили?

– Нет, конечно, – я усмехнулась со снисходительным видом взрослого образованного человека, которому вдруг начали рассказывать о том, что Земля плоская и стоит на трех слонах и черепахе.

– Ну, разумеется, – мужчина тоже усмехнулся почти с таким же видом.

А потом он сделал что-то такое руками, я даже разглядеть толком не успела, только по комнате пролетел легкий ветерок, пахнувший свежим хлебом, всколыхнул занавески, и...

Нечто подобное я видела в детстве в мультиках, когда метла вдруг начинает сама по себе подметать пол, тряпочки натирают окна, а метелочки ловко смахивают пыль с хрустальных статуэток.

Нет, статуэток в доме Джодавина не было, но приспособ-

ление, весьма похожее на пипидастр [*] выскочило из угла и принялось самозабвенно вытирать пыль со столика, на котором стояли два пустых стакана из-под виноградного сока. Я смотрела на скачущий аксессуар, как замороженная, то и дело ожидая, что метелка скинет стаканы на пол. Но она была очень аккуратна – стерла всю пыль вокруг и даже чуть сдвинула посуду в сторону, чтобы почистить еще и под ней.

– Что за чертовщина? – наконец я смогла выдавить из себя. – Вы что, фокусник? – перевела на хозяина осуждающий взгляд.

Он следил за действиями пипидастра, не отрывая глаз и даже, казалось, не моргая.

– Нет, я бытовой маг, – он выдохнул, словно сбрасывая с плеч тяжелый груз, сморгнул, и пипидастр тут же неловко упал на стол, попутно все-таки опрокинув один из пустых стаканов. Стакан упал на пол и со звоном раскололся.

А я, не успев толком подумать, зачем-то бросилась собирать осколки.

– Оставьте, порежетесь еще, – Джодавин тоже склонился над разбитым стаканом.

Вот, всегда знала, что нельзя такие вещи под руку говорить. Стоило мужчине произнести эти слова, как я тут же рассадил кончик пальца об острый краешек стекла.

– Ой! – на пальце выступила капелька крови.

– Ну, я же говорил, – хозяин недовольно нахмурился, коснулся моей руки, отводя ее в сторону от осколков. Я вздрог-

нула, вспомнив его жесткое прикосновение в прошлый раз, но на сей раз, касание было мягким и даже почти ласковым. Я снова покраснела, опять порадовавшись, что в темноте не видно было моего смущения.

Второй рукой Джодавин снова сделал какой-то непонятный пасс, кусочки стекла взлетели с пола и, словно на обратной перемотке, собрались в целый стакан. Стакан прыгнул на стол целехонький, а я, хлопая круглыми от удивления глазами, рассеянно сунула порезанный палец в рот, облизав капельку крови.

– Опять фокусы? – я перевела недоверчивый взгляд на хозяина.

Мужчина поднялся и подал мне руку:

– Ага, фокусы. Сейчас принесу вам аптечку, – и вышел.

– Не нужно, пустяки, – я бросила ему вслед и посмотрела на свой палец. На подушечке выступила еще одна красная капелька – порезалась я совершенно натурально.

Я взяла в руки целый стакан, повертела его так и сяк – ни следа осколка, о который я обрезалась, ни единой трещины.

В этот момент вернулся Джодавин с небольшой коробочкой в руках:

– Вот, надеюсь, вы умеете этим пользоваться, потому что я редко влезаю в аптечку, – он поставил коробочку на чистый столик.

– Да, спасибо, умею, – я проговорила задумчиво, все еще до конца не веря в случившееся. Схватила за спаситель-

ную мысль, словно за соломинку, – Если вы так ловко можете гипнотизировать пипидастр, что ж вы в доме своем порядок не наведете. Раз, и чисто, ой! – я щелкнула порезанными пальцами, и тут же скривилась от боли.

– Ну, что у вас там? – мужчина быстро шагнул ко мне, я даже не успела отшатнуться, взял в руки мою ладонь, поднес к глазам. – Как же вас угораздило? – он поцокал с осуждением и снова махнул кистью. И с кончика моего пальца сорвался крохотный кусочек стекла, застрявший в коже. – А вы его еще и облизывали. Язык, небось, тоже порезали?

Он перевел на меня вопросительный взгляд, и я покраснела еще гуще:

– Все в порядке с моим языком, – непроизвольно облизала губы.

– Жаль стакан, теперь он недолго прослужит, – Джодавин вздохнул и медленно выпустил мою руку, словно нехотя.

– Почему? – я недоуменно хлопала ресницами, глядя то на кончик пальца, кровь из которого больше не сочилась, то на стоявший на столике целехонький стакан.

Мужчина двинул широкими плечами:

– Потому что в нем теперь кусочка не хватает.

– Так почините его заново, – я недоуменно повела плечами. – И вы, кстати, так и не ответили на мой вопрос.

– Что такое пипидастр?

– Что? – я только глазами захлопала.

– Вы сказали, что я загипнотизировал пипидастр, но я не

знаю, что это такое, — он невесело усмехнулся.

— Это — пипидастр, — я подняла с пола метелку для пыли и продемонстрировала ее хозяину дома. — Это что, все-таки правда? — я недоверчиво прищурилась.

Тот кивнул.

— Это правда другой мир? — я все еще недоверчиво щурилась.

— Другой? — Джодавин снова скривил губы в подобии улыбки. — Для меня это вполне себе этот мир, я в нем живу с рождения. Но да, мы с вами из разных миров.

— Так не бывает, — я по-детски вздернула подбородок.

— Пожалуй, вам стоит познакомиться со старостой нашей деревни, — мужчина забрал со стола пару стаканов и собрался унести их из комнаты.

— А он в своем уме, в отличие от вас или моего покойного отца? — я усмехнулась уже не так уверенно, как в самом начале.

— А он дракон. Насколько мне известно, эти твари в вашем мире не водятся.

И оставив меня одну с открытым от удивления ртом, Джодавин ушел мыть стаканы.

Пока Джодавина не было, я принялась разглядывать обстановку. Наверно, если здесь чуть прибраться: собрать раскиданные вещи, протереть пол, постирать занавески, то в доме будет даже вполне себе уютно. Пол был вымощен круп-

ной кафельной плиткой со спокойным цветочным орнаментом, на стенах были светлые обои, тоже увитые какими-то растительными рисунками.

Мебели в комнате было немного: диван, кресло, низкий столик, небольшой комод – но вся она добротная и красивая... хоть и покрытая слоем пыли. Похоже, что хозяин жилища вообще редко здесь убирался, хотя, казалось бы, ему это раз плюнуть. Или это все-таки был фокус?

Я подошла к комоду: на нем стояли милые безделушки, тоже запылившиеся и как-то не подходящие жилищу холостяка. Вазочка с букетиком высохших полевых цветов, несколько кубков разной формы с изображением виноградной грозди и фотографии в рамках...

И вот эти фотографии были самым интересным. На них был изображен хозяин дома в компании другого мужчины – постарше. Со строгим худым лицом и светлыми, в отличие от Джодавина, глазами. Не нужно было обладать особым воображением, чтобы понять, что это и был мой отец. На этих фото он выглядел таким счастливым, обнимая за плечи своего ученика, что меня неожиданно укололо ревностью – к человеку, которого я никогда не знала.

Вот, они с еще юным Джодавином хвастают огромной гроздью винограда, высотой, наверное, в рост мальчишки. Гроздь была темно-фиолетового, почти черного цвета, ягоды в ней были крупные, круглые, похожие на оливки. Такого же цвета, как глаза у Джодавина...

Я хмыкнула про себя такому сравнению, с неудовольствием отметив, как екнуло мое сердце при мыслях об этих глазах...

На другой фотокарточке счастливые учитель и ученик демонстрировали на камеру выигранный ими кубок в виде большой хрустальной вазы, в которой лежал хрустальный же виноград. Еще были фото, как они отмечали какой-то праздник, сидя за столом. И с ними была темноволосая смуглая женщина с невероятными темно-синими глазами. Наверно, та самая Анжела, мать Джодавина. На всех фотографиях эти люди выглядели очень счастливыми. Такими, какими мы с мамой, кажется, не были никогда...

Дома у нас не было фотографий моего отца, мама давно избавилась ото всех воспоминаний. В моей детской памяти почти не сохранилось знакомых черт, но сейчас, глядя на это улыбающееся лицо мужчины, которого я практически никогда не знала, мне казалось, что я его вспоминаю. Вспоминаю, как он смеялся, подбрасывая меня, малышку, в воздух. Как я хохотала вместе с ним. Вспоминаю, как он возил меня на плечах, как жалел мою содранную коленку. Вспоминаю, как... он был хорошим папой...

Вот только почему же он тогда бросил меня? Променил на чужого мальчишку?.. Может, я все это сейчас просто придумала, чтобы заполнить дыру в сердце?

В этот момент в комнату вернулся Джодавин. Я шарахнулась от комода с фотографиями, словно меня застукали за

чем-то неприличным, и в который уже раз покраснела.

— Красивые у вас тут обои, — сделала вид, будто разглядываю стены.

Хозяин только хмыкнул:

— Это узор виноградной лозы. Отцу... вашему отцу хотелось, чтобы все в этом доме напоминало о том деле, которым мы с ним занимались. Если обратите внимание, на мебели тоже есть виноградная тема, и на шторах. Везде, — мужчина вздохнул. — Ладно, у вас еще будет возможность познакомиться с интерьером. Вы здесь надолго...

Я нахмурилась в ответ:

— Это еще неизвестно. В письме написано, что я могу вернуться домой в любой момент.

— Можете-можете. Если откажетесь от завещания, — мужчина покосился на меня с хитрым прищуром.

— Вот еще, — я сердито фыркнула. — Не собираюсь я ни от чего отказываться... пока что.

Джодавин вздохнул:

— Так я и думал. Тогда позвольте для начала показать вам кое-что, — он поманил меня к выходу.

— Вы же обещали познакомить меня с вашим старостой, — я нахмурилась, подозрительно глядя на мужчину. — Да, и по завещанию мне еще многое не понятно.

— Да-да, непременно, — он проговорил рассеянно. — Это все равно по дороге. Идемте. Да, не бойтесь вы, я не кусаюсь. В отличие от нашего старосты, — он ухмыльнулся, увидев,

как вытянулось от этих слов мое лицо. – Вот только...

Взгляд мужчины скользнул по моим ногам, и на мгновение мне снова стало не по себе. Пустой темный дом, сильный мужчина и я. И больше никого, кого можно было бы позвать на помощь.

Наверно, мои эмоции достаточно ярко отразились на моем лице, потому что Джодавин скривился:

– ...вот только вам лучше переобуться. На винограднике грязно, у нас шли дожди.

Я покосилась на свою обувь. Выходя из дома утром, я долго выбирала между открытыми сандалиями с тоненькими ремешками и новенькими бело-розовыми кедами. В итоге остановилась на кедах, решив, что для поездки за город закрытая обувь будет более уместна.

– Извините, но я как-то не подумала захватить с собой сменку в другой мир, – я проговорила с таким количеством сарказма в голосе, на который вообще была способна, но мужчина, похоже, принял мои слова за чистую монету.

Он нырнул в соседнюю комнатку, наверно, кладовку, и вытащил оттуда пару высоких резиновых сапог ярко-красного цвета:

– Не извиняйтесь. Вот, переобуйтесь, это мамины.

И улыбнулся такой грустной и одновременно смущенной улыбкой, что я подавилась всеми своими ехидными комментариями насчет сменки.

– Спасибо, – взяла сапоги и молча начала переобуваться.

[*] *нипидастр* – пушистая метелка для смахивания пыли

Глава 4. На винограднике

Сапожки оказались неожиданно удобными, хоть и немного неказистыми и простоватыми на вид. А уж в сочетании с моей короткой шифоновой юбочкой красно-белого цвета и вовсе смотрелись дико. Впрочем, Джодавин посчитал иначе.

Усмехнулся, окинув меня оценивающим взглядом:

– Вы выглядите прямо как живая реклама нашего виноградника, ярко и сочно.

Я нахмурилась, не понимая, стоит ли обижаться на подобный двусмысленный комплимент:

– А что, вашему винограднику нужна реклама? Если что, я как раз специалист по рекламе.

Мужчина хмыкнул и ничего не ответил. А я продолжала говорить, почувствовав любимую тему:

– Не уверена, что хочу быть моделью, но подсказать парочку идей могу. Как у вас обстоят дела с продажами? Я несколько лет работала в отделе продаж, хотя по образованию я креативный маркетолог...

Джодавин покосился на меня почти испуганно, снова хмыкнул:

– Если вы имеете в виду объемы продаж вина, то... дела не очень, честно скажу.

– А в чем дело? Цифровой сегмент, конечно, не подключали? Или, как обычно, налажали с креативами?

На сей раз, мужчина покосился на меня уже не просто настороженно, а как на умалишенную, и я прикусила язык.

Возле дома начинались виноградные ряды. Те же грядки, только вместо картошки или морковки на них росли невысокие кудрявые кустики с длинными гибкими побегами. Поверх рядов была натянута веревочная сетка, за ячейки которой эти побеги цеплялись многочисленными усиками, обвивали веревочку, создавая над головой ажурный полог из листьев.

– Идите за мной, и я покажу вам, в чем дело, – Джодавин решительно шагнул прямо в грязное виноградное междурядье, сразу же скрывшись в густой зелени. Чуть помешкав, я направилась следом за ним, брезгливо отодвигая в стороны мокрые виноградные листья.

Под ногами было скользко, с широких листьев на меня обильно капало, и я мгновенно промокла до нитки.

– Эй, куда вы меня тащите? Здесь мокро и грязно! – я окликнула провожатого. – Вы где вообще?!!

И в следующее мгновение едва не налетела на широкую мужскую спину – Джодавин остановился среди виноградной листвы. Я торопливо отшагнула от него подальше.

– Жду вас, – он хмыкнул. – Как же вы собираетесь управляться с виноградником, если вам тут грязно? На земле всегда «грязно».

– Вас забыла спросить, – пробубнила себе под нос, раздосадованная всей этой ситуацией. Мокрая шифоновая юбоч-

ка бесстыдно липла к ногам, мне было сыро, зябко и неловко оттого, что пришлось трогать незнакомого мужчину.

А он, казалось, напротив, забавлялся:

– Пожалуй, когда вы выберетесь из виноградника, модель для рекламы из вас получится еще более живописная, – совершенно бесцеремонно этот наглец протянул руку и вытащил из моих волос мокрый виноградный лист.

– Да, что вы себе... – я рванулась в сторону, поскользнулась в междурядье и со всего маха приземлилась прямо в грязь. Прямо в своей красно-белой шифоновой юбчонке, которая опять предательски задралась до самого белья. С узором из веселых вишеночек.

– Вот, недоразуменье городское, – Джодавин сокрушенно вздохнул и протянул мне руку. И снова под его густым загаром зарделся румянец, – Давайте руку, уже почти пришли.

Скрипнув зубами, помощь я все-таки приняла, про себя решив отомстить этому мужлану как-нибудь иначе, без лишних пререканий.

– Вы спросили, как продается наше вино. Продается оно очень плохо. И дело вот в чем, – мы остановились перед кипой зелени, отличавшейся по оттенку от остального виноградника. Вместо сочного изумрудно-зеленого цвета нас встретили буро-зеленые вялые заросли.

Я нахмурилась, глядя на пожухшую зелень. Никогда не считала себя знатоком сельскохозяйственных посадок, но даже мне было понятно, что с этим виноградом что-то было

не так.

– Что это? – брезгливо кивнула на поникшие плети лозы.

– Это сорт винограда, который вывел отец... ваш. Из него мы делали наше фирменное вино.

– Как-то он выглядит... не очень здоровым, – я скривилась, но, поборов оторопь и отвращение, шагнула ближе к вялому кусту. Было в нем что-то жалобное и жалкое. Словно мокрый дворовый пес развесил уши, облепленные репьями.

– Когда отец умер, – Джодавин скрипнул зубами и на миг замолчал. Взяв себя в руки, продолжал, – лоза начала чахнуть. В этом году мы ждали с нее богатый урожай, но, как вы видите, на ней нет ни единой ягодки. Вино из этого сорта было нашей визитной карточкой. Сейчас мы распродаем запасы прошлых лет и... скоро нам нечего будет продавать.

– Но что же, у вас нет другого винограда? Вон, сколько кустов, – я махнула рукой на окружавшую нас пышную зелень.

– Они будут плодить только на следующий год. Мы сделаем другое вино, но ему еще нужно будет выстояться. Да, и без «Натали» вино получается гораздо хуже.

– Без кого? – я нахмурилась, услышав свое имя.

Джодавин улыбнулся – невесело:

– Этот сорт винограда ваш отец назвал «Натали».

На мгновение я подавилась всеми своими возражениями и вопросами и посмотрела на Джодавина испуганным извиняющимся взглядом. Но мужчина уже не смотрел на меня.

Откуда-то из глубины своих рабочих штанов он достал секатор и теперь методично вырезал наиболее поврежденные куски лозы, складывая их в кучку в междурядье.

– Что вы делаете? – спросила больше из вежливости.

– Хочу убрать всю эту гниль, – он оттяпал очередной вялый побег и с шорохом швырнул его наземь. – Вечером еще разок опрыскаю. Только это все не помогает. Уже думаю, вырезать все под корень, чтобы на другие лозы болезнь не пошла. Но... все рука не поднимается. Это же память об отце, – Джодавин хмурился, но не переставал работать руками.

– Вы же, как его, бытовой маг, – я попыталась усмехнуться, но мне было совсем не весело. – Почему бы просто не поколдовать над этим виноградом?

– Я слабый маг, просто бытовик, и многие вещи мне проще делать руками, – мужчина, не отвлекаясь, двинул широким плечом.

– Поэтому в доме вы не прибираетесь вовсе? – я сделала попытку пошутить, но Джодавин смерил меня таким осуждающим взглядом, что я прикусила язык. – Извините.

– Не до уборки мне сейчас. На винограднике дел невпроорот. Кроме меня, другого виноградаря нет, а еще и за производством кому-то нужно смотреть. Выручка падает, работники бегут...

– То есть помощь вам все-таки нужна, – я иронично подняла бровь, а Джодавин ничего не ответил, только смерил меня хмурым взглядом.

И тут меня осенило:

– А как же тогда мы будем выполнять условие по завещанию, если у вас нет нужного винограда?

Мужчина в ответ только хмыкнул:

– Проблема заключается еще и в том, что я не знаю точной рецептуры.

– Как так? – я аж задохнулась. – Вы же ученик моего отца, чуть ли не... едва ли не... мне так и не хватило духу произнести слово «сын», – и он не научил вас своему лучшему рецепту. Как так-то?

– А вот так, – мужчина проворчал недовольно, и в этот момент, словно пресекая все возможные споры, со стороны моря раздался протяжный раскатистый грохот. – Какого демона? – Джодавин тут же бросил работу и выбрался на открытое место. – Еще не сезон гроз. Сегодня не должно было быть грозы.

Я тоже вышла следом за ним и недоуменно уставилась на морской горизонт. От края до края его затягивала тяжелая сизая туча, которая стремительно приближалась к берегу, время от времени поблескивая зигзагами молний и погромыхая угрозующими раскатами еще пока далекого грома.

– Выглядит жутковато, – я поежилась.

Прилетевший со стороны моря порыв ветра мгновенно выстудил мою влажную одежду. Жаркое солнце, только-только нещадно палившее с неба, спряталось в густой дымке. Мне стало холодно, кожа мгновенно покрылась му-

рашками, и я зябко потеряла предплечья в тщетной попытке согреться.

– Может быть, пойдем в дом? – проговорила просительно.
– Чего мокнуть.

Но хозяин меня не слушал. Он метался по винограднику, торопливо раскрывая над посадками какие-то сетчатые навесы. Какое-то время я молча наблюдала за его действиями, потом не выдержала:

– Может, вам помочь?

– Помогите, – ответ был лаконичен.

Я хмыкнула про себя, но все-таки взялась помогать, чтобы хоть немного согреться. Между виноградных кустов стояли черные столбики, на которые нужно было накидывать плотную прозрачную сеть. Сама сетка была аккуратно сложена в маленькие коробочки, закрепленные у основания каждого столба. Сетку нужно было вытащить, развернуть, набросить на специальные держатели на столбах и закрепить особыми крючочками, натягивая ее в виде тента над виноградными кустами. Раньше я никогда не делала ничего подобного, но глядя на Джодавина, быстро наловчилась, и вдвоем у нас получалось достаточно споро, хоть мы и не обменялись ни единой фразой в процессе работы. Мужчина время от времени делал какие-то пассы руками, наверно помогая себе какой-то магией, но большую часть работы он делал вручную.

Наконец, я все-таки решила поинтересоваться:

– А что мы делаем?

– Ставим противогородовые сетки, – Джодавин хмурился, то и дело поглядывая на горизонт.

Туча была все ближе, закрывая собой уже полнеба. Резко потемнело – солнце нырнуло в облачную толщу.

Я с сомнением покосилась на виноградные ряды:

– Думаете, будет град? Но мы же не успеем укрыть весь виноградник.

– Не успеем. Но хоть что-то спасем, – мужчина только дернул головой. Усилившийся ветер растрепал его неряшливый хвостик, и теперь получившие свободу волосы развевались на ветру пышной копной. Зрелище было живописное, и на миг я даже залюбовалась хозяином виноградника, позабыв о работе.

Спohватилась:

– А почему вы их сразу не поставили? Чтобы наверняка успеть укрыть все?

Джодавин снова раздраженно дернул головой, отбрасывая с лица мешающие ему пряди волос:

– Потому что сейчас не сезон гроз. А винограду нужно солнце, много солнца, поэтому нельзя держать над ним сетку раскрытой все время.

– Откуда же тогда взялась эта гроза? – я опасливо покосилась на тучу.

В тот же момент бело-голубая молния расколола небо поперек, и прямо над головой раздался оглушительный грохот – у меня даже уши заложило.

– Есть у меня предположение... – Джодавин исподлобья покосился на меня. И было в его взгляде столько недоброго подозрения, что я только зябко поежилась.

Но вот, на землю упали первые капли дождя – крупные и неожиданно холодные для такого знойного дня. Голова, спина, плечи – все очень быстро промокло, но я продолжала упорно натягивать навесы, чтобы спасти виноград Джодавина. Или моего отца? Или уже мой?

Дождь усилился. Крупные капли чувствительно стучали по макушке, и я оглянуться не успела, как уже с кончика моего носа капало, а в сапогах хлюпало.

Увлеченный работой Джодавин бросил на меня быстрый взгляд. Прокричал, перекрывая шум дождя:

– Идите в дом.

– А как же виноград? – я с остервенением тащила из ящика очередной кусок сетки, накидывая его поверх лоз. – А если град?

– А если град, то тем более, идите в дом. – Мужчина строго зыркнул на меня, – Быстро, я сказал!

От его властного окрика я вздрогнула, обиженно бросила сетку и, оскальзываясь в грязном междурядье, побрела в сторону дома, искренне надеясь, что выбрала верное направление.

Я шла наугад, раздвигая руками мокрые виноградные листья, нещадно скользя в своих ярко-красных резиновых сапожках по жидкой грязи, мгновенно заполнившей и без то-

го не самые удобные тропинки между грядками. И что есть свет, ругая про себя этого Джодавина. Я ему помогаю, а он еще орать на меня вздумал. Хам! Мужлан неотесанный!

В сердцах я оступилась, нога моя поехала и я, еще прекрасно помня все дивные ощущения от падения в грязь, что было силы, вцепилась в виноградную лозу. Хрупкий стебель жалобно хрустнул под моими пальцами и обломился. Я неловко взмахнула руками, но устояла. С остервенением отшвырнула от себя ненавистные куски зелени и, злая на погоду, на виноградник этот нелепый и, более всего, на Джодавина, потопала к его дому.

По счастью, домик оказался совсем рядом, и я с облегчением нырнула под крышу. С меня моментально натекла целая лужа, но я без зазрения совести прошлепала по полу, оставляя за собой мокрые грязные следы. И без того в этом доме не было чисто, от меня сильно грязнее не станет.

Я подошла к окну и попыталась выглянуть наружу. По стеклу неистово хлестали струи дождя, стекая по нему быстрыми ручейками, поэтому видно ничего не было. Протянула руку и попыталась протереть стекло, но быстро поняв свою ошибку, усмехнулась собственной глупости: наивно было пытаться вытереть воду, которая лилась снаружи. Попыталась разглядеть хоть что-нибудь сквозь потоки текущей воды – безуспешно.

А в следующий момент по крыше дома загрохотал град.

Поначалу градины были размером с горошину. Они барабанили по черепице, бойко отскакивали от водоотлива, скапливаясь в ямках на почве и ложась на землю сугробами посреди лета.

Но вот, градины стали крупнее, размером с хорошую черешню, а некоторые попадались даже с перепелиное яйцо. Одна такая градина срикошетила от подоконника и со звонким стуком ударилась в стекло.

– Ой... – я пробормотала про себя и, холодея, подумала, что Джодавин остался снаружи под этим градом укрывать свой виноградник...

Надеюсь, ему хватило ума спрятаться, хотя бы под той же сеткой рядом с кустами? Я в тревоге кусала губы, вглядываясь в заросли сквозь мутное залитое водой стекло и словно забыв, что сама была мокрая до нитки, и что с меня капало прямо на кафельный пол.

Наконец, град как будто начал затихать, хотя дождь все еще хлестал с прежней силой. Мимо окна скользнул темный силуэт, и у входной двери послышалась возня. Я тут же бросилась встречать хозяина.

Джодавин был насквозь мокрый, с него лило в три ручья. Он прямо у порога скинул свои грязные сапоги, и я запоздало покосилась на мокрые следы, которые оставила – сама-то я не догадалась разуться. А еще упрекала хозяина в нечистоплотности...

– Как там дела? – я неопределенно махнула рукой на

дверь, смущенно отводя глаза.

– Плохо, – Джодавин буркнул в ответ. – Но лучше, чем могло бы быть. Кое-что успели закрыть, спасибо вам.

От неожиданной похвалы я просияла:

– Пожалуйста! – и подняла глаза на мужчину. – Ой!

– Что такое? – он недоуменно уставился на меня, а я, не успев подумать и остановиться, шагнула к нему, убрала мокрые волосы со лба. На его виске надувалась внушительная шишка с рассеченной до крови кожей посередине.

– Вас градом побило, – коснулась ссадины кончиками пальцев. Хихикнула, – Прямо как виноград.

Мужчина зашипел от боли и отстранился. Посмотрел на меня с откровенной неприязнью:

– Весело вам? Сходите, полюбуйтесь, что ваш град сотворил с виноградником.

– Мой? С чего это он стал моим? – я обиженно нахмурилась, смущенная одновременно своей вспышкой внезапной нежности и реакцией мужчины на нее.

– А с того, – Джодавин принялся отжимать насквозь мокрые штанины прямо на коврик у порога, – что этот град спровоцировало ваше появление в нашем мире. Я был ребенком и плохо помню, но подобное уже было, когда здесь появился ваш отец – нежданный град посреди сезона.

– Что?! – я аж поперхнулась от возмущения. Уперла руки в бока, – А я здесь вообще причем?! Вы сами меня сюда притащили, я вас об этом не просила. Счастливо оставаться!

– Так я вас и не обвиняю... – договорить мужчина не успел, потому что я в сердцах развернулась и рванулась наружу. Распахнула дверь...

Да, град закончился, но вот дождь лил стеной. Я помедлила, не решаясь шагнуть под этот поток воды.

– Не делайте глупостей, – мне в спину прилетел тихий усталый голос Джодавина, – и перестаньте строить из себя капризную барышню. Я же вижу, что вы не такая, – добавил он еще тише.

Я в сердцах развернулась, думая, что бы сказать ему такое достаточно обидное, чтобы точно зацепить. Наставила на него указательный палец, поджала губы и выдала с обвинительным вердиктом:

– Из-за тебя я осталась без отца!

Повисло молчание. Джодавин ничего не ответил, только смотрел на меня из-под полуопущенных век не то с осуждением, не то с повинной. Но больше ни на какие обвинения духу у меня не хватило, и мы так и стояли в тишине.

Наконец, он шевельнулся:

– Вы промокли до нитки, вам нужно в теплый душ. В доме есть горячая вода. Идемте, покажу, где.

И, больше не глядя на меня, направился вглубь дома.

Глава 5. Водные процедуры

В доме Джодавина была не просто горячая вода, там была целая ванная комната. Скромная, маленькая, но в ней был настоящий душ и даже какое-то подобие странной стиральной машины. А я-то уже напридумывала себе, что придется мыться в тазике и в нем же стирать вещи.

– Вот вам полотенце, – мужчина сунул мне в руки пушистую стопку белья. – И пижама. Извините, другой женской одежды у меня нет.

Смущенная до крайней степени, я взяла вещи:

– Пижама тоже мамина? – от смущения я ляпнула первую пришедшую в голову чушь, а Джодавин смерил меня таким строгим взглядом, что я прикусила язык. – Извините. Вам тоже нужно в душ, – попыталась хоть немного замять неловкость.

– Мне нужно приготовить ужин, – хозяин вытер со лба дождевую влагу, поморщился, неловко коснувшись свежей ссадины на виске.

– В таком виде? Может, сначала помоетесь? – я скривилась.

– А вы подождете, пока я буду мыться? – он скривился в ответ.

– Мы могли бы вместе... – я неопределенно махнула рукой на ванную комнату, но видя, как буквально на глазах под

загаром Джодавина снова проступает румянец, окончательно смутилась. – Извините... я ничего такого... просто помыться, чтобы быстрее...

Уверенная, что теперь точно утвердила мнение о себе, как о девице легкого поведения, я шагнула в душевую. И собралась уже прикрыть дверь, когда мужчина тоже шагнул следом:

– Вы правы, так будет быстрее, – он смущенно отворачивался, охрипший голос выдавал крайнюю степень его волнения, но он принялся без обиняков скидывать мокрые грязные вещи в тазик для белья. – Просто помыться.

Спохватившись, я резко отвернулась, и тоже начала раздеваться, хоть и не так торопливо, как мужчина. Джодавин не делал в мою сторону ни единого лишнего движения. Быстро раздевшись, он направился настраивать воду, а я, краснея и смущаясь, краем глаза следила за ним. Он был хорош. От природы смуглая кожа, со следами еще более темного загара на руках и шее, широкие плечи, крепкая грудь... и белье, которое он так и не снял, даже собираясь в душ. Хотя мокрые трусы не скрывали ни капли его интереса ко мне. Наверно, обтянутый мокрым бельем, мужской член смотрелся даже еще эротичнее, чем вовсе без него.

Я облизала внезапно пересохшие губы.

Почувствовав мой взгляд, Джодавин поднял на меня глаза, и я поспешила отвернуться. В отличие от него, я разделась полностью, намереваясь постирать бельишко хоть рука-

ми, хоть с использованием местной техники. Интересно, она работает на магическом приводе?

– Просто помыться, – я шагнула под струю душа и встала спиной к мужчине.

– Спинку потерять? – он ухмыльнулся как-то очень невинно и по-доброму.

– Что? – Я вначале опешила, а потом, к своему невероятному удивлению, выдала, – А, давайте. У вас есть мочалка?

– У меня все есть.

Вода в душе лилась прямо с потолка из многочисленных отверстий. Кажется, в моем мире такой душ называется тропическим, но мне в тот момент прекрасно сгодился и он.

Вот, кажется, я уже и сама поверила в этот бред насчет параллельного мира.

А что, если это не бред?

Я намочила голову, с удовольствием смывая с лица пот и грязь. А моей спины коснулась мужская рука. Только на мгновение, но его оказалось достаточно, чтобы вдоль моего позвоночника словно пустили электричество. Впрочем, Джодавин руку сразу убрал, заменив ее мыльной мочалкой, и принялся осторожно мыть мою спину. Начал он с лопаток, бережно натирая ложбинку между ними, оглаживая плечи, руки, но не смея опуститься ниже талии. Хотя, могу поспорить, что разглядеть он все успел в мельчайших подробностях.

А я стояла под струями воды, чувствуя ласковые заботли-

вые прикосновения к своей спине и прекрасно понимая, что мое предложение «просто помыться» может выйти мне боком. Не потому что мужчина сделает что-то непристойное, а потому что я сама сейчас потеряю контроль над своим телом...

Джодавин чуть сильнее сдавил губку пальцами, и поток мыльной воды потек по моей спине – мягкий и щекотливый. Без стеснения добежал до ягодиц, просочился в щелочку между ними.

Я чисто на автомате сунула руку между ног, намереваясь помыть там, спохватилась, что в глазах мужчины этот жест будет выглядеть даже не двусмысленно, а вполне себе однозначно.

– После такого вы просто обязаны на мне жениться, – думала пошутить, но Джодавин, похоже, моей шутки не понял. Он сразу же убрал мочалку, и отшагнул от меня.

Я поспешила успокоить мужчину:

– Шучу. В моем мире к этим вопросам относятся достаточно просто. Подумаешь, просто помылись ведь. Мы с вами, вон, виноградник вместе спасали, а это ведь куда серьезнее...

Я решила перевести все в шутку, но шутка оказалась неудачной. Мужчина промолчал, быстро молча домылся и, замотавшись в большое полотенце, выскользнул вон из душевой. А я осталась, расстроено вздыхая и досадливо кусая губы. Ошибся дядя Слава. Дело было вовсе не в том, что я

работала по выходным, а в том, что я была непробиваемая дура в вопросах отношений.

То и дело сокрушенно вздыхая, я отыскивала кусок ароматного мыла темно-фиолетового цвета и с его помощью постирала свои трусики с вишенками и носочки, без стеснения развесив их на сушке. Мыло великолепно пенилось, приятно пахло виноградом и отстирало мои белые носочки, чудовищно испачканные во время спасения виноградника, до первозданной чистоты.

Чуть подумав, этим же мылом я помыла волосы, и оказалась приятно удивлена результатом. Мало того, что при нанесении на голову аромат мыла изменился, приобретя легкий мускусный оттенок, приятный, хоть и немного беспокойный, так еще и мои волосы, обычно тонкие и необъемные, вдруг легли вокруг головы аккуратным влажным облаком.

Закончив с банными процедурами, я обтерлась пушистым мягким полотенцем, которое оставил мне Джодавин, и облачилась в пижаму с рисунком в мелкий голубой цветочек.

Весьма довольная собой, я навела в душевой порядок. Убрала на место все, чем пользовалась, закинула одежду и полотенце в корзинку для белья, протерла лишнюю влагу, которую мы расплескали на пару с Джодавином, и даже натерла до блеска ручки кранов и смыла разводы с кафельных стен. Не знаю, но почему-то мне очень захотелось оставить в ванной после себя чистоту и порядок. Да, и вообще, этот

дом явно давно не знал хозяйственной женской руки.

Я нахмурилась от своих мыслей – еще только убираться здесь мне и не хватало. Достаточно уже того, что я помогала Джодавину спасти его виноградник от града, вся перепачкалась, несколько раз упала... Или все-таки это он помогал мне спасти мой виноградник?

Продолжая хмуриться, я попыталась разобраться с местной стиральной машинкой. Она представляла собой весьма любопытное приспособление, чем-то напоминая древний стиральный агрегат, который жил у нас с мамой на балконе еще со времен до моего рождения. Небольшой круглый бак, внутри которого располагался явно подвижный барабан.

Я сложила внутрь все грязные вещи, закрыла крышку, вот только никаких кнопок, которые могли бы включить сей шедевр бытовой техники, я не нашла. Облазила машинку со всех сторон, даже под днище заглянула и уже собралась запихнуть гордость подальше и позвать на помощь Джодавина. В расстроенных чувствах я махнула рукой на все это магическое безобразие, а в следующее мгновение изнутри машинки послышался характерный шум набирающейся воды.

Гордая тем, что справилась даже с техникой из другого мира, я собралась уже идти хвастаться этим хозяину, но в следующее мгновение поток воды хлынул из стиральной машинки прямо мне под ноги.

– Джоди! – с диким воплем я выскочила из душевой. –

Там потоп!

Мне навстречу в облаках аппетитных ароматов и в милом кухонном переднике с оборками выскочил Джодавин:

– Что случилось? Что вы сделали?

– Ничего! Просто сложила вещи в стиральную машинку!

Хозяин дома влетел в моечную, чуть не поскользнувшись на солидной луже, уже успевшей вылиться из стиралки.

– Проклятье! Руками махали? – он строго зыркнул на меня.

Я обескуражено пожала плечами:

– Ну-у-у... да. Вот, так, – и снова махнула рукой на машинку, а она взвыла от этого жеста с новой силой, и из-под ее днища вылилась еще порция воды. – Ой!

– Вот, вам и «ой»! – мужчина бросился к агрегату и с силой пнул его ногой, машинка аж подпрыгнула, но выть перестала. – У меня нужно было разрешения спросить, прежде чем что-то трогать в моем доме. Она сломана!

И мужчина принялся исполнять руками какие-то замысловатые пассы. Я смотрела на его руки, как замороженная. Это было красиво и одновременно странно. Мне даже казалось, что между его пальцами время от времени проскакивали разноцветные искорки и натягивались светящиеся ниточки, словно паутинки. А стиральная машинка, подвластная своему хозяину, затихла и перестала выплевывать новые порции воды.

Мы так и стояли в душевой по щиколотку в мыльной воде.

– Простите, я не нарочно, – я принялась было оправдываться. – Я кнопки искала и собиралась уже за вами идти...

Но Джодавин меня не слушал. Он продолжал свое незатейливое бытовое колдовство. На мокрый пол шмякнулись несколько тряпок и принялись шустро собирать лишнюю влагу, отжимая ее в ведро.

– Нашли? – Джодавин следил за работой тряпок, не отводя взгляда.

– Что? – я опешила от вопроса, потому что следила за тряпками с не меньшим вниманием, чем сам чародей.

– Нашли, говорю, кнопки? – мужчина хмыкнул, сморгнул и устало потер виски, а тряпочки бессильно свалились прямо в лужу.

– Нет, – я выдохнула, покосилась на Джодавина. Мужчина выглядел уставшим. Шутка ли, в одиночку укрывать целый виноградник под дождем. Впрочем, не совсем в одиночку... Еще и ссадина эта на виске. Ее бы врачу показать, а ну как там сотрясение.

И только я собралась озвучить эти мысли мужчине, как до моего носа донесся запах гари.

– Проклятие! Шницель! – Джодавин опрометью бросился обратно в кухню.

А я смерила хмурым взглядом учиненный мной в душевой раздор, и принялась собирать воду руками и тряпками, то и дело вздыхая, что не умею, подобно хозяину, уговаривать шустрые тряпочки прийти мне на помощь.

С потопом я справилась довольно быстро. Гораздо хуже было то, что неисправная стиральная машинка сотворила с теми вещами, которые я в нее засунула. Особенно с моей шифоновой юбочкой. Юбка была разодрана в клочья, от подола до самого пояса. Словно нарочно. Мне что теперь, возвращаться домой в пижаме? Или...

Или можно было попросту остаться.

Я недовольно нахмурилась таким мыслям, дотерла последнюю лужицу, развесила тряпочки на сушке рядом со своими трусиками и направилась туда, откуда доносились смешанные ароматы: аппетитный готовой пищи и тревожный – чего-то пригоревшего.

Меня встретил хмурый донельзя хозяин домика. На сей раз вместо рабочего комбинезона на нем были мягкие домашние брюки и рубашка с коротким рукавом.

В ответ на мой вопросительный взгляд он пробурчал:

– Ужин пригорел, пока я с вами там возился.

Я, готовая уже пожалеть Джодавина за все случившиеся с ним неприятности, разом вскинулась:

– Вы возились не со мной, а с вашей сломанной стиралкой! Была бы она исправна, не было бы никаких проблем!

– Если бы вы спросили разрешение у хозяина, то проблем бы и так не было, – мужчина процедил сквозь зубы.

– У хозяина? – я тоже завелась. – А где здесь хозяин? Хозя-я-яи-и-ин! – принялась показательно вертеть головой по

сторонам.

– Хватит уже, – Джодавин недовольно буркнул и со стуком поставил на стол две тарелки. – Давайте есть.

Я с подозрением оглядела свою тарелку. На ней лежало нечто, напоминающее излишне поджаристую котлету, горка картофельного пюре и нарезанные ломтиками овощи, тоже с избытком поджаренные. Но, несмотря на слегка пригоревшие бочка, смотрелась вся эта композиция весьма аппетитно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.